

Блез Паскаль

Весь зримый мир – лишь еле различимый штрих в необъятном лоне природы. Человеческой мысли не под силу охватить ее. Вселенная – это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, периферия нигде. А потому пусть человек снова подумает о себе и сравнит свое существо со всем сущим; пусть почувствует как он затерян в этом глухом углу Вселенной, и, выглядывая из чулана, отведенного ему под жилье, – я имею в виду зримый мир, – пусть уразумеет, чего стоит наша Земля со всеми ее державами и городами и, наконец, чего стоит он сам. Человек в бесконечности – что он значит?

Кто вдумается в это, тот содрогнется; представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия. Человек не в силах даже приблизиться к пониманию этих крайностей – небытия, из которого возник, и бесконечности, в которой растворится.

Таков наш удел. Мы не способны ни к всеобъемлющему познанию, ни к полному неведению. Плыдем по безбрежности, не ведая куда, что-то гонит нас, бросает из стороны в сторону. Стоит нам найти какую-то опору и укрепиться на ней, как она начинает колебаться, уходит из-под ног, а если мы бросаемся ей вдогонку, ускользает от нас, не дает приблизиться, и этой погоне нет конца. Вокруг нас нет ничего незыблемого. Да, таков наш природный удел, и вместе с тем он противен всем нашим склонностям: мы жаждем устойчивости, жаждем обрести, наконец, твердую почву и воздвигнуть на ней величественную башню, но заложенный нами фундамент дает трещину, земля разверзается, а в провале – бездна.

Мартин Хайдеггер

Ужас в корне отличается от боязни. Мы боимся всегда того или иного конкретного сущего, которое нам в том или ином отношении угрожает. Боязнь перед чем-то касается всегда тоже чего-то определенного. При ужасе нет места для суеты и сумятицы, ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко... Просто делается жутко...

В ужасе «земля уходит из-под ног». Точнее, ужас уводит у нас землю из-под ног, потому что заставляет ускользать сущее. Отсюда и мы сами – существующие люди – с общим провалом сущего, тоже ускользаем от себя. Поэтому жутко делается не «тебе» и «мне», а нашему чистому бытию, когда ему уже не на что опереться, а оно еще тут...

Ужас всегда с нами. Он только спит. Его сквозное дыхание веет в нашем бытии, пронизывает уютное самодовольство наших повседневных занятий. Он может проснуться в нашем бытии в любой момент. Для этого совсем не надо, чтобы его разбудило какое-то экстравагантное событие. Глубине его действия соответствует мелочность возможных поводов для него. Он постоянно готов ворваться к нам, вырывая почву из-под наших ног...

Эрих Фромм

Человек – единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить, и от которой он не может избавиться. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой. Он должен развивать свой разум, пока не станет господином над природой и самим собой.

Проблема, которую необходимо решать каждому индивиду, – это проблема рождения. Что касается индивида, то его «телесное» рождение ни в коем случае не является столь решающим и неповторимым событием, как это может сначала показаться. Рождение человека в обычном смысле слова есть только начало его рождения в дальнейшем смысле. Вся жизнь индивида есть не что иное, как процесс саморождения. Фактически мы полностью рождаемся к моменту, когда умираем, но трагическая судьба большинства людей заключается в том, что они умирают еще до своего рождения.

Тот факт, что рождение человека является чем-то негативным, а именно в том смысле, что человек был вырван из своего первоначального единства с природой, что он не может вернуться туда, откуда он вышел, имеет своим следствием трудный процесс рождения. Каждый шаг в новое человеческое бытие вызывает страх. Он всегда означает, что нам необходимо оставить старое, надежное и относительно хорошо известное состояние ради нового, которым мы еще не овладели. Мы всегда не свободны от двух противоборствующих тенденций: с одной стороны, выбраться из лоно матери, из животной формы бытия в человеческую, из рабства на свободу, а с другой – возвратиться в лоно матери, в природу, в безопасное и известное состояние.

Николай Бердяев

Неверно думать, что храбрость и страх совершенно исключают друг друга. Храбрость есть не столько отсутствие страха, сколько победа над страхом, и притом в определенном направлении. Человек может быть очень храбрым в одном отношении и трусом в другом: например, очень храбрым на войне – и трусом перед собственной женой; быть героем, не бояться смерти и испытывать страх перед мышью или гусеницей; быть необыкновенно храбрым в идейной борьбе – и испытывать страх перед материальными затруднениями; бывают люди очень храбрые физически и очень трусливые морально и наоборот.

Но всюду и во всем духовной задачей остается победа над страхом, унижающим человека. Неисчислимое количество насилий и жестокостей в человеческой жизни есть порождение страха. Террор есть страх не только тех, на кого он направлен, но и тех, кто его практикует. Известно, что одержимый манией преследования не только испытывает страх, но и начинает преследовать других и ввергать в состояние страха. Самые страшные люди – это люди, одержимые страхом. Страх искажает сознание и мешает познавать истину. Человек стоит перед конфликтом страха и истины. Бесстрашие перед истиной есть величайшее достижение духа.

Явление страха связано с соотношением сознания с подсознательным и сверхсознательным, страх идет из глубины подсознательного, от древних истоков человека. Сознание может увеличивать страх, со страхом связана острота сознания. Лишь из сверхсознательного идет окончательная победа над страхом, это есть победа духа.